

Ёжиков как привет. Привет от Норнштейна! / босса-нова

Category: HeKaYalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ёжиков как привет. Привет от Норнштейна! / босса-нова ЁЖИКОВ
КАК ПРИВЕТ. ПРИВЕТ ОТ НОРНШТЕЙНА!

- *А что ж с нами станет?*
- *Мы тоже можем пролететь.*
- *Как птицы?*
- *Ага.*
- *А куда?*
- *К югу, – сказал Ёжик[1].*

А вы поживите с фамилией Ёжиков! Он и жил. Развёлся же, кроме шуток русских, первого апреля: благоверная, нацепившая спешно девичью, фыркнула: «А ты Ёжиковым жил – Ёжиковым помрёшь: не трать на меня время». Прозвучало сие как жил дрожал – умирал дрожал, но Козловская не читала: писала дам\$tory, и иже с её издателем.

Позже, услышав от какой-нибудь проходящей – транзитец – фейки-змейки сакраментальную фразу, касающуюся исключительно его, как выражаются нынешние манагеры, тайм-простигосподи-менеджмента, попыток удержать нежнокрылую боле не делал: «Когда меня бросали, я сочинял вальс» – запомнил Ёжиков подслушанное в «Прощальном послании»[2] признание, и всерьёз задумался, что делать, коли ты не Шопен, а тебя всё равно бросают.

Или, скорее, так: что делать, если даже Шопена бросали.

И вообще.

Ответов на «и вообще» существовало, конечно, несколько, но ни один из них персонажа нашего не устраивал – более того, в ответах этих чувствовался какой-то подвох, а потому Ёжиков ждал прихода. Ментальная клизма, вычистившая б весь мусор из вумной его головушки, пришлась, верно, кстати – оставалось

лишь запеленговать ту, но это было сложнее, и потому такие отходы, как, скажем, впечатанный в серое вещество Ёжикова запах духов да хоть той же Т., всё ещё вызывал ускоренное сердцебиение – ну и так далее. Впрочем, в запахе ль одном дело? «Пока доберёшься до этих ваших энтузиастов[3], – морщилась Т., – умрёшь в пробке!» – «Да я сам, сам приеду!» – сопел Ёжиков, но получал отворот-поворот: «Ма-па на флэте...». Столичная география, равно как и заплёванный проловскими отпрысками ёжиковский подъезд, к проявлению тонких чувств со стороны эксцентричной особы, ряженой в девочку, не располагали – так и расстались. И вот тогда проклятый русский вопросец, заданный Времени и Пространству г-ном Ч., замаячил пред Ёжиковым с такой превеликой силой, что пару недель персонаж наш, будем честны, пил беспробудно, – но только пару недель. Чего не делать, дабы не стать бедным и больным, он, в общем, знал, и всё же главный дольчевитный рецепт был Ёжинову неведом, а потому за богатого и здорового сойти всяко не выходило, – и уж тем паче стать таковым. Причина, возможно, и впрямь имелась – как-то во сне углядел он возмутительной красоты воздушную змейку, после чего тронулся тихонько головой: что тот Степан от ящерики[4] – спит и видит шальную, видит – и спит будто... Так всё лето. Потом вроде успокоился, ан ненадолго: начал змеев скупать – и ну по имени: Машенька, Варя, Верочка... «Всё почему? – объяснял Ёжиков, приняв сто пятьдесят, а потом столько же, катафальщику: с ним в институтскую бытность разработали они, сказывают, тот самый скафандр, под которым и ныне прячут свои головушки, забыв о списанных – в утиль-с – изобретателях, космолюди в космо-своём пространстве. – Ласковые они, живы-ые!..» – тут и сказке конец.

Всё чаще казалось Ёжикову, что прямоходящие – как мясные (он называл их плотными), словно бы нарочито выпуклые, со всей их сутулой лексичкой, так и бесплотные тени-призраки, полуплетающие по улицам и иногда (он видел) даже проходящие сквозь него, Ёжикова, как сквозь стену, – живы как бы условно. Будто «по умолчанию» дана им лишь кожано-костяная решётка да «двуспиральный» инстинкт выживания-размножения; что же до

остального, – а именно остальное стало для Ёжикова с определённого момента единственно важным, – то его-то в программке[5] их не было. Тайное знание не столь уже раздражало, сколь расстраивало, и потому-то персонаж наш, всё больше запутываясь в том, что называют учёные мужики «бытием», всё чаще сворачивался: «Глупо показываться – сожрут!» – вздохнул однажды, не выдержав. «Могут», – подтвердил из точки сингулярности покойный профессор М-кий: от него-то лет двадцать назад Ёжиков и услышал, будто Е не равно mc^2 просто в силу того, что в формуле отсутствует духовная составляющая... Олэй! Тогда же М-кий завёл разговор и о символике франкмасонской винтовой лестницы, и об иллюминатах, и о пресловутом карцере из пяти, – а хотелось шестого: всегда, всю жизнь и ещё пять минут – чувств... Задержись профессор в трёхмерке чуть дольше, глядишь, судьба нашего персонажа и сложилась б иначе – но увы: сердце, как пишут профессиональные писатели, «не выдержало» – в общем, оборот легко превратился бы в пошлость, кабы не стал былью... Ёжиков, кстати, плакал.

«Лестница – дезоксирибонуклеинка многонитевая: в ней – ключ контроля. Над нами, над кем!.. От трех до пяти процентов известного человеческого генома в изученных ДНК-кодах? Не смешите. Миром правят рептилии, Ёжиков! Чтоб вы знали. Ил-лю-ми-на-ты. Режим выживания – единственный оставленный двуногим крючок. Своего рода красная кнопка. Все мы обрезанные: было двенадцать[6] спиралей – теперь вот две. Пожинаем плоды!.. У некоторых – вот как у нас с вами, хотя, у вас-то третья едва проявлена, – три: и не спорьте, не спорьте – я вижу... Услышьте, Ёжиков: есть кое-что ещё... Кое-что, о чём вы не имеете никакого понятия. Да не смотрите так! Вы можете изменить ход мыслей, а значит, пространство... пространство вокруг себя, всю жизнь, всю-ю, чёрт дери! Вы понимаете, что это значит? Ну да, вам разговор этот странным кажется... И даже больше, чем странным, так ведь? Вы с другими вопросами шли... Но есть вещи более важные, нежели летательные аппараты... Вы, Ёжиков, ведь в курсе, что у зверя и человека инструкции основные жизненные на одном языке писаны, шифром одним и тем же?.. И у двуногого, и у бактерии – А-Г-С-Т... И к бабке не ходи. Их – и только! –

расположение суть нашей формы определяет, а потому нет преимущества человека перед скотом, нет и быть не может... дважды два: аденин, гуанин, цитозин, тимин... вы ещё что-то знаете? Я – нет... Язык Матрицы... Я в своем уме, Ёжиков, и потому скажу больше. Чуть больше, чем может воспринять сейчас ваш мозг: иллюминаты обращаются напрямую к рептильному мозгу. Вашему. Моему. Чьему угодно. Что такое мозг рептилии, помните? Средоточие страха. Агрессии – и страха. Точка. Точка манипуляци-ий! Вы бояться-то перестаньте... Ничего не бойтесь, Ёжиков, ничего! Даже тумана. Самое худшее уже свершилось – мы с вами на шарике... Вспомните старика Чжуан-цзы: “Рождение человека – это его горе”».

Нет-нет, не то чтоб Ёжиков оказался совсем не подкован: нет-нет, – и всё же пресловутый экзистенциальный неврозец был вызван тогда, в прошлом, страшно сказать, веке, в том числе и беседами с профессором. Впрочем, едва ли Ёжиков согласился бы променять их на нечто иное – его бытие (ага, словечко) в абсолютном мире чистого, что сестринский спирт, абсурда стало б тогда вконец невыносимым, и даже позиция ЯБ-ЮМ – та самая, положение которой «обязывало» Ёжикова сидеть, скрестив ноги, а её, волоокую лань, обнимать его спину ножками, дабы соединить, наконец, чакры, – не спасла б. Однако именно она, Наталинька-Наталинка, отправляла Ёжикова на парашюте воображения – по небу: *touchyouralveoluses!* – в то самое небо, до которого, казалось, рукой подать, а не дотянуться не получалось. «Замками измерений и вибраций... – убаюкивал Наталинькин голос. – Обойдём гору Кайлас по часовой, очистим карму...» – драила карму она, впрочем, уже без Ёжикова: «Я видела сон: мне пора, ты не должен печалиться», – но Ёжиков печалился, потому как многие его знания обернулись аккурат многими печальями, и даже беседы с профессором – ...если стереть с ДНК все мешающие родовые программы и понять, что амнезия и страх – просто двигатели «прогресса» треклятой Матрицы, чьи фиктивные мироконструкции приносят нам синтетическую боль..., etc., etc., – перестали вытягивать. Что толку во всех этих уровнях осознанности, которые должны (!) быть (!) выше (!) эмоционального (!) реагирования (!), когда он, щенок, так тосковал по Наталиньке?

Ну да, той самой Наталиньке-Наталинке, которую, вестимо, «никогда не забудет», потому как именно она – она, не какая-нибудь надя-настя, – п о к а з а л а ему, что любовь (здесь уместен анахронизм) есть нежный цветок? «Ну да, цвето-ок... Ваалшебный», – усмехнётся годы спустя грустная шлюшка, не охочая до маркесовских «Воспоминаний»: персонаж наш бросит взгляд на томик классика и, потянув на себя простынь, закурит.

Как это нередко случается с разлюблёнными, Ёжиков, пройдя серьёзный винно-водочный курс практической реабилитации, стал искать сложносочинённую диву среди одноклеточных барышень, но тщетно: год за годом, программку за программкой, новую жизнь (транслит) – он думал, будто начинает ту с нуля, – за новой жизнью. Дошло до того, что любое проявление нежности отзывалось в глубинах «смежной» его шкурки жестокой ломкой; банальная психосоматика, ну да – сначала горло сводит, потом – желудок, кишки... Вся природная теплота ушла, не спросившись, в иголки: словечки на «це» и «ску», да даже нейтральное «абнимауои» приводили всё чаще в бешенство. Техничные же «па», отягощённые таким малоприятным нюансом, как до- и посткоитусный трёп, не воодушевляли тем паче: дух противился всему простому и внятному – противился до тех самых пор, пока персонаж наш не стягивал-таки трусики с новенькой пассии, принявшей, как всегда, непристойное его предложение с рабской скоропостижностью. Статистика, впрочем, всегда расставляла убранные корректором точки над «ё» – расставила и сейчас: минус десять миллионов самцов, «согласно последней переписи», – вот и вся сказка на ночь, detka; дошло до меня, о великий калиф...

Всё чаще закидывал Ёжиков виртуальные удочки в иллюзорную Сеть – пожалуй, это было б и впрямь пошло, кабы не так смешно. Госпоже Ли, скажем, срочно требовался «нижний для аренды жилья». «Внимание! – подмигивала латексная бабища с кнутом в руках. – Я – госпожа! Доминирующая и властная, сделавшая наклонности профессией! Бью аккуратно, но сильно. Sic! Квартира надолго. Рассмотрю срочно все варианты. ЗД, порка, бондаж, бытовое рабство, ФФ...» – что такое ЗД, Ёжиков

догадался, аббревиатурка же ФФ поддавалась расшифровке не сразу, и он поспешил перейти к другому окошку face-ленты, не обратив внимания на цвет – «Интересы и цены в профайле: без лишних вопросов, плиззз». Скука какая, пригладил иголки Ёжиков, и, поведя носом, снова переключился: «Могу станцевать для вас забавный стрип-данс, – подмигивал кареглазый вьюноша. – М, Ж, М+Ж, Ж+Ж, М+М... Включаем вебку?». Попадались, конечно, и иные искатели, но и от них не было толку: «Встречусь с состоятельным господином, – писала шатенка, похожая на молодую Анук Эме. – Почему с состоятельным? Те, у кого нет денег, хотят только их, а те, у кого они есть, хотят только чувств...». Ёжиков не знал, может ли он причислить себя к состоятельным, – с точки зрения сетевой Анук, – господам; впрочем, надо ли? Цена вопроса, упакованная в романтический фант, убивала весь romantic, ну а это – «сегодня. сейчас. москва. хочешь? пиши. не развод, не мужик, ничем не больна. просто хочу. так бывает» – и вовсе не обсуждалось... В общем, Ёжиков наш чихнул раз, чихнул два да и загрустил – и так сильно, что пребывал в миноре сем (си, си: чёрная тональность) аккурат до тех самых пор, пока внутренний его голос не приказал ему решить бабьи лица. Ну да, «решить», «прощёлкать» всех этих самок, словно задачки, а потом сверить данные с ответами в конце учебничка: см. стр. ***, далее опускаем.

Утром, выпроводив незапланированную – нарисовалась в полночь, не выгонять же – сетедиву (третья подряд Марина), Ёжиков снова забрался в Сеть. «Если граждане всерьёз обеспокоены невозможностью идентификации собственных останков в случае авиакатастрофы, – сообщалось в новостях, – они могут проделать любые необходимые процедуры в частном порядке и передать свои анализы крови, зубные снимки, отпечатки пальцев и любые другие данные в...». «Твою мать! Вот же!» – что именно вот же, он, впрочем, уточнить не успел: «Взрыв неустановленного взрывного устройства – тридцать девять погибших, семьдесят восемь раненых». Взрыв взрывного... – журналюги! – в самом верху страницы...

Ёжиков потёр глаза – поплыло моментально.

Что такое, в сущности, десять лет? Десять лет без Наталиньки,

которую видел он последний раз аккурат восьмого августа, в день её тридцатипятилетия? Четыре слога, На-та-линь-ка – вдох-выдох, выдох-вдох, – а ведь он без них пластилиновый!

Ёжиков видел себя, бегущего по эскалатору, видел, как перескакивают лапки его со ступени на ступень, как колет его шкурка пахнувший потом – он ненавидел это словечко – пассажиропоток, видел, виде-ел, как кто-то, бывший некогда им самим, чуть не расшиб лоб о стеклянную дверь и не врезался в одну из торговек цветами, коих было тогда на Пушкинском великое множество... Секунду спустя, уже на улице, он, услышав взрыв, замер. «Сто двадцать два ранено, семь погибло, шестеро скончались в больнице» – присвистнут газеты, а Наталинька лишь качнёт головой: «Да ты счастливчик!» Через полгода, в феврале, ему опять повезёт, и он не станет шестнадцатым раненым в переходе на «Белорусской»... Ну а сейчас... да что, что сей час? Склонившись над ноутбуком, Ёжиков потёр виски: жив? умер? ни жив ни мёртв? Третье, пожалуй, ближе всего к истине! «Тела двух шахидок-смертниц найдены на месте происшествия... два килограмма тротила... второй и третий вагоны поезда с головы состава разру...».

Его всегда коробило от этого вот с головы состава: ну да, фишка гниёт с головы... Ну да, он слышал, будто шахидок накачивают таким чудодейственным миксом, как героин, пиптин натрия да аммониевая кислота (две доли), но что ему теперь до того?... Вдруг она – ОНА – и впрямь обошла этот священный Кайлас? Вдруг – отдраила карму? Вер-ну-лась? Зашла утром в метро?..

Ёжиков набрал номер горячей линии; когда ему сообщили, что тела Наталии Леонидовны Стрешниной – нет, не обнаружено, – у него затряслись руки.

Позвонил катафальщику – вышло не вовремя: сросшийся за ночь с геймерскими (новояз) девайсами, он старательно – стекающая по спине капелька пота, полуоткрытый рот, покрасневшие глаза, – переходил на новый уровень. «Жив», – выдохнул Ёжиков, понимающий, впрочем, что приятель его едва ли спустился б в подземку – в свободное от похорон утро тем паче: всё, что интересовало его после ухода из профессии, это машинка да

игры. «Я бог! – признался он как-то Ёжикову. – Я это с д е л а л! Прощё!» – Ёжиков тактично кивнул: сохраниться как вид на работке, исчисляющей срок годности анимы парой лет... да, это вызывало смешанное с ужасом-length удивление. Так некогда удивила и ужаснула Ёжикова высветившаяся на перронном табло надпись «ПУТЬ 1»; так озадачил итальянский автобус с оранжевым словечком *catazza*, да, пожалуй, бело-голубое убожество «ПАРСЕК-ТРАНС» на дверце маршрутки, стыдливо припаркованной около их рідной больнички – шоферил Ёжиков на «скорой» без малого восьмой год, и ни о каких скафандрах с летательными аппаратами, как и катафальщик, боле не помышлял.

«Не думать! Главное не думать!» – подумал-таки Ёжиков, засеменив к ближайшему супермаркету: Марина-3 – скучный евростандарт с приемлемыми минусами и мини-плюсами – оказалась весьма прожорливой. Надпись на пакете, в коем болталась полчаса спустя нехитрая снедь, ввела Ёжикова в лёгкий ступор: «50 кг. Приобретая наши пакеты, вы не только сохраняете здоровье своё и своих детей [такой, да, такой порядок слов был], но и поддерживаете отечественного производителя». Олэй! Он, Ёжиков, поддержал отечку на пять рэ: ту самую отечку, которая, как сообщили недавно, позволила и этому самолёту тоже потерять высоту да совершить жёсткую посадку в лесу, не долетев километра до взлётно-посадочной. Ту самую, о-о, которая помогла оторваться крылу и надломиться в двух местах – фюзеляжу... Серебристый лайнер ТУ навернулся на лету, вспомнился кошмар пионерии, потому что в фирме ТУ выпускают ху... Ёжиков чертыхнулся и зашагал к дому: да и куда ещё?..

А вскоре произошло то, что произошло – должно же это было когда-то случиться! Все предыдущие дамы – даже Наталинька, да-да, даже она, – сошли как-то на нет. Ёжиков – страшно сказать – увлёкся. Ещё страшнее – влюбился (по-настоящему). Но самое страшное, что всё это здорово пахло служебным романом. Да что пахло! Она звалась Аннушкой...

Её – кто на новенькую? – смены совпадали с его, ёжиковскими: так уж вышло. Обыкновенный «лучший на свете доктор» в строгом таком халатике... Нежный завиток на мраморной шейке... Танцующие веснушки... Быть может, Ёжиков и не лишился б мозгов столь

быстро, кабы не столкновение у лифта – она выходила (забыла мобильный), он – входил (нёс его ей)... Аннушка облизнула губы да так улыбнулась, что сердце Ёжикова ушло в лапки, а с него самого едва не посыпались иголки: ещё «парсек» – и точно «транс»... ПУТЬ ОДИН, ну да, ну да... «Ничего не бойтесь, Ёжиков, даже тумана!» – вспомнил он слова покойного профессора, а Аннушка – к чему бы? – больного: отстранившись, она побежала, виляя хвостом, в 84-ю, – вернулась, впрочем, быстрёхонько да произнесла то, к чему персонаж наш долго ещё не мог привыкнуть: «Зачехляем».

С тех пор он думал об Аннушке «хорошо» (какой она доктор и всё такое) каждый день и «плохо» (как закусывает она, постанывая, нижнюю губку) – каждую ночь. Иногда Ёжикову казалось, будто видит перед собой он вовсе даже не Аннушку, а составленные из плоти её и крови тексты, причём качество их и смысл значения вроде как не имеют. Будто б они, эти самые тексты, и есть всё, что его окружает. Да что там! Он, Ёжиков, думает на их языке!.. Например, таком: «В случае порчи какого-либо имущества организации заказчик возмещает ущерб в размере стоимости испорченного имущества. Бой посуды оплачивается из расчёта на одну единицу» – Или таком: «У испытавших клиническую смерть уровень углекислого газа в крови был значительно выше, чем у тех, кто ничего не видел» – Или: «Готовность работать в авральном режиме в условиях дефицита времени» – и далее по тексту: «Только суррогатная ма! И постанов на бабки. Тридцать тысяч у.е.: платите только раз – зато ребёнок всегда ваш!» – ну и «Остеклись по ценам завода!», конечно... Когда же совсем сорвало крышу, Ёжиков сгрёб-таки докторицу в охапку и зашептал на ушко то, что шептал в прошлой жизни одной лишь Наталиньке-Наталинке. «Она мне интересна, я её хочу, её есть, за что уважать...» – стучало в висках. «А я умыкнула однажды гейшу, – наврала от скуки Аннушка и опустила глаза, вспомнив некстати быстро хмелевшую мороженщицу из Коньково. – В Токио, ага... Но ты мне нра... – она щебетала, как пэтэушница, – нра, очень нра...».

И тогда они уехали ни к нему, ни к ней, а в отельчик – так было нужно: ни к нему, ни к ней, всё новое, – и рвали

простынки да друг друга до наступления новой смены, и Ёжиков понимал, что если сейчас её отпустит, то счастлив уже не будет, видимо, никогда: Аннушка так похожа, так похожа на Наталиньку, Наталиньку-его-Наталинку, что и сказать нельзя, – да и не надо, не надо ничего говорить! И потому-то решился, ну да – нужно ведь когда-то на что-то решиться! Нужно же предложить... вот и сделал.

Сделал ей предложение.

А сердце Аннушки возьми – да и не в такт забейся.

Совсем, совсем не в такт: «Нет-нет, невозможно... Прими как есть – или сбеги».

И тогда сердце Ёжикова – триста мучений в минуту – сжимается и припускает, пристукивая, что есть сил, к воде. «Я в реке, пускай река сама несёт меня», – решает оно, и глубоко вздыхает: его, сердце, несёт вниз по течению. В это самое время высокие сущности берут шкурку Ёжикова на понт: «Что, дурачина? Перерождаться-то не желаешь? За идею лапки двинуть готов? А ежели миллионером тебя?.. Если аннушек – лучших! – с наталиньками?.. Режиссёром великим – а?.. Банкиром? Певцом? Бездельником?..» А Ёжиков за своё: «Я Ёжик. Я упал в реку. Я совсем промок. Я скоро утону»... далее опускаем.

Посоветовались сущности высокие, посоветовались, да и выполнили просьбу. Напустили тумана на ситуацию, про осознанный переход брякнули чтой-то, да и отправили странничка на «Союзмультфильм», в год 1975-й, к Норштейну младому под крылышко. Ну, просыпается весь в титрах Ёжиков, а суффикса-то у него и нет... Вместо рук – лапки, вместо живота – брюшко, вместо волос – иголки... Пошёл он по лесу рисованному, змейку воздушную запустил, улыбается, – а она возьми, да в радугу обратись: так и пошёл по небу, только катафальщик и видел...

«Главное не оглядываться», – вспомнил ёжик напутствие профессора М-кого, который знал про духовную составляющую каждой формулы всё.

Ну да, всё на свете.

- 2 Анжей Заневский.
 - 3 Шоссе Энтузиастов.
 - 4 Зд. Хозяйка Медной горы.
 - 5 Зд.: ДНК-программа.
 - 6 ДНК.
-

Об авторе: НАТАЛЬЯ РУБАНОВА

Прозаик, драматург, критик, литературный и сценарный агент, член Союза российских писателей. Окончила музыкальное училище и педагогический университет, работала в ведущих московских издательствах, на телевидении и пр. Автор многочисленных публикаций в литжурналах («Знамя», «Урал», «Волга», «Перемены», Eleven-Eleven (США) и пр.), книг «Москва по понедельникам» (2000), «Коллекция нефункциональных мужчин» (2005), «Люди сверху, люди снизу» (2008), «Сперматозоиды» (2013). Живет и делает проекты в Москве. Лауреат премии «Нонконформизм» и Премии им. Катаева, лауреат конкурса «Литодрама» в номинации «Поэтическая пьеса». Neкаýalar